

Артем УЛУНЯН

РАСПАД СФРЮ И СОВЕТСКИЙ ФАКТОР В ОЦЕНКАХ И СЦЕНАРИЯХ ВАШИНГТОНА И ТИРАНЫ (1970–1972 гг.)

В статье представлен комплексный исторический анализ состояния Федеративной Республики Югославия в 1970–72 гг., рассматриваются основные предпосылки к дезинтеграции страны и позиции, которые занимали по отношению к целостности Югославии СССР и страны Запада.

The given article represents the complex historical analysis of the situation in FRY in 1970–1972, considers the main preconditions of disintegration of the country, and also the positions of USSR and the West in relation to Yugoslavian integrity.

Ключевые слова:

Югославия, СССР, США, Албания, дезинтеграция, сепаратизм, национализм; Yugoslavia, USSR, USA, Albania, disintegration, separatism, nationalism.

Подавление Пражской весны 1968 г. силами государств – членов Варшавского пакта, главную роль среди которых играл СССР, серьезно повлияло на ситуацию, складывавшуюся в Балканском регионе. Руководство СФРЮ во главе с Тито рассматривало действия Москвы как исключительно опасные для позиций коммунистической Югославии, имевшей особые отношения как с западным, так и восточным блоком. Вторжение в Чехословакию достаточно жестко было воспринято Э. Ходжой – фактическим руководителем Албании, которая де-юре вышла из блока именно после подавления Пражской весны и усилила взаимодействие, включая военно-техническое сотрудничество, с КНР. Весной 1970 г. официальная Тирана озвучивала тезис о необходимости сотрудничества между Албанией и Югославией, когда, по мнению албанского партийно-государственного руководства, существовала реальная угроза военно-политического давления со стороны СССР. Албанская сторона пошла на демонстративное смягчение тональности в отношении СФРЮ, что было вызвано началом американо-китайских переговоров, свидетельствовавших о наступлении нового периода во взаимоотношениях КНР с внешним миром, а также усилением самостоятельности Румынии на международной арене и внутри Варшавского пакта. Последнее имело большое значение с точки зрения партийно-государственного руководства Албании, вновь обратившегося к теме потенциальной военно-политической угрозы Албании, Румынии и Югославии со стороны СССР и выделявшего Софию как наиболее лояльного союзника Москвы. Югославская сторона положительно оценила шаги Тираны и фактически выдвинула предложение «отложить существовавшие противоречия в сторону», что насторожило Э. Ходжу, который был против подобного сближения с Тито. Тирана была заинтересована в военно-региональном аспекте сотрудничества, имея в виду заинтересованность Белграда в улучшении югославо-албанских отношений, и рассчитывала использовать это в собственных интересах. Более того, на предложение югославской стороны повысить уровень дипломатического представительства до ранга посольства глава АПТ решил не спешить с ответом, но при этом учитывал образ действий своего союзника – КНР, руководство которой пошло на подобный шаг, сославшись на то, что таким образом Пекин сможет усилить противоречия между Белградом и Москвой. Стремление не топтаться устанавливая более высокий уровень отношений с

УЛУНЯН

Артем

Акопович –

*д.и.н., руководитель
Центра балканских,
южнокавказских и
центральноазиатских
исследований*

ИВИ РАН

dir@igh.ru

СФРЮ, как объяснял это сам Э. Ходжа, во-первых, объяснялось «желанием избежать любой помощи для Тито на международной арене в момент, когда он чувствует, что слабеет»; во-вторых, определялось задачей «не позволить титоизму.. выдвинуть тезис “они были также неправы”» и заявить о том, что «Албания, в конце концов, урегулировала со мной все вопросы», и, в-третьих, было вызвано нежеланием дать «возможность титоизму выступать в роли “третьей силы”» и заявить: «...я примирился и с Китаем и с Албанией». В то же время в своей речи, произнесенной 30 мая 1970 г. на митинге в г. Байрам Цури, Э. Ходжа заявил о том, что албанская сторона не собирается вмешиваться во внутренние дела Югославии, и, назвав руководство СФРЮ антимарксистским, тем не менее, сообщил о готовности расширять отношения с Югославией, а также признал за другими право иметь собственное мнение о ситуации в Албании¹. В стратегическом плане албанская сторона была заинтересована в сохранении тесных отношений с КНР. Однако начавшиеся американо-китайские консультации, а также активизация политики Пекина на югославском и румынском направлениях воспринимались главой АПТ Э. Ходжой с определенной долей осторожности, т.к. рассматривались им как угроза снижения роли НРА для КНР как главного союзника и превращения «албанского фактора» исключительно в элемент внешней политики китайского руководства в Балканском регионе.

Наращение внутриполитического кризиса в СФРЮ, вызванного стремлением режима Тито не допустить развития демократического движения в Хорватии, вошедшего в историю как Хорватская весна, являлось важным не только для самой Югославии, но и для ее международных позиций, а также оборонной политики. В СССР и США внимательно следили за действиями федеральных югославских властей, увидевших в ситуации, складывавшейся в Хорватии, угрозу для политической системы СФРЮ и ее территориальной целостности. В свою очередь, Белград пытался прогнозировать дей-

ствия двух сверхдержав (с учетом военно-политической составляющей), прежде всего СССР, обращая внимание как на официальные заявления советского руководства, так и на мнения, высказывавшиеся советской стороной в неофициальных беседах с югославскими партийными и государственными чиновниками. На XXIV съезде КПСС, проходившем с 30 марта по 9 апреля 1971 г., на котором присутствовала делегация СКЮ на главе с секретарем исполкома ЦК СКЮ М. Тодоровичем, Брежнев назвал ОВД «главным центром координации внешнеполитической деятельности братских стран», что автоматически повышало уровень этой организации, которая, по сути, превращалась в структуру военно-политического координирования восточного блока с сильной военной составляющей.

Уже через полмесяца после закрытия съезда на состоявшейся 24 апреля 1971 г. встрече главного редактора газеты «Правда» М. Зимянина и главного редактора центрального органа СКЮ журнала «Коммунист» С. Кржавца, который был в составе партийной югославской делегации на съезде, первый заявил о том, что «империалисты ожидают распад Югославии» и, несмотря на то, что СССР «не будет и не хочет вмешиваться во внутренние дела Югославии», происходящее в СФРЮ выходит за пределы ее внутренней политики и затрагивает проблему сохранения Югославии как социалистической страны, имеющей важное стратегическое и географическое положение, а ее распад способен повлиять на характер взаимоотношений на Балканах, в Европе и во всем мире. Суть заявления сводилась к тому, что советская сторона «не может оставаться безучастной к тому, кто и как будет отщипывать от Югославии [куски]...»².

Советская сторона изначально проводила зондирование реакции Белграда на фактическое предложение об оказании помощи, т.к. откровенное военное вмешательство серьезно повлияло бы на систему международных отношений. Встреча двух главных редакторов проходила накануне срочно созванного на о. Бриони XVII расширенного заседания Президиума СКЮ, где обсуждалась ситуация, сложившаяся в отношениях Хорватии с федеральным

¹ Politika e drejtë e Partisë dhe puna e popullit po i transformojnë malet dhe bjeshkët tona. Fjala në mitingun e qytetit Bajram Curi. 30 maj 1970 // Hoxha E. Vepra. Mars 1970 – qershor 1970. – Tiranë, 1984, v. 43, f. 371, 372.

² См.: Романенко С. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI века. – М., 2002, с. 359.

центром, проблема обновления кадров и конституционные поправки, целью которых было законодательное закрепление прав народов СФРЮ и развитие существовавшей в Югославии системы рабочего самоуправления. На третий день работы заседания состоялся разговор И.Б. Тито с Л. Брежневым по инициативе последнего. Фактически советская сторона, сославшись на некую информацию о начале полномасштабного кризиса в Югославии и якобы сделанном Тито обращении за помощью к ЮНА, настоятельно предложила свою помощь в «урегулировании ситуации». Тито отверг советское предложение.

Одной из характерных черт внутриполитического кризиса было его влияние на оборонную политику страны и активное обсуждение этой темы военным истеблишментом с точки зрения определения существующих для СФРЮ внешних угроз. В начале января 1971 г. парламент (сабор) Хорватии опубликовал первый в Югославии собственный проект закона о всенародной обороне, который содержал запрет на приглашение «вражеских вооруженных сил», оказание им помощи в принимаемых ими «насильственных действиях против граждан страны», а также на политическое и экономическое сотрудничество с ними. По мнению республиканского руководства, таким образом можно было легитимировать вооруженную борьбу на территории республики против всех иностранных сил, к которым могли обратиться как центральные, так и республиканские власти других республик СФРЮ¹. Этот проект был отвергнут Белградом, а руководство Хорватии было обвинено в национализме.

Проведенный летом 1971 г. Министерством обороны СФРЮ опрос офицерского и младшего командного состава ЮНА выявил, что 54% старших офицеров, 40% младшего офицерского состава и 47% сержантского состава считали национализм и шовинизм главной опасностью

¹ В пользу появления версий возможной вовлеченности СССР во внутриполитические дела СФРЮ свидетельствовало и так называемое шпионское дело весны 1971 г. Однако, как уже позже отмечали исследователи, «неизвестная группа или отдельный представитель федеральной бюрократии попытались скомпрометировать хорватское партийное руководство, связав их с известными хорватскими антиюгославски настроенными эмигрантами в Германии, пытающимися создать независимое хорватское государство под советским протекторатом».

для югославского общества. При этом из тех же опрошенных групп соответственно 13,5%, 10%, 11,7% считали главной угрозой для страны внешнюю агрессию.

Такая точка зрения не являлась доминировавшей в среде военно-политического истеблишмента. Еще в конце апреля 1971 г. командующий Загребским военным округом генерал-полковник Дж. Йованич сделал заявление о том, что ЮНА не будет вмешиваться во внутренние дела страны «за исключением случая, когда под угрозой окажется конституционный порядок». Действия главы СФРЮ в деле разрешения внутривнутриполитического кризиса, рассматривавшиеся иностранными аналитиками, в частности специалистами ЦРУ США, давали основания для выводов о том, что, «похоже, попытки Белграда подвигнуть военных играть большую роль во внутривнутриполитических делах увенчались некоторым успехом. Надежда Тито заключается в том, чтобы военные были способны оказывать сдерживающее влияние на фракции местных партийных и государственных руководителей».

Такая политика во многом способствовала становлению активной позиции представителей высшего командного состава ЮНА, которые предупреждали о том, что военные не преувеличивают «опасность оказания давления со стороны противника на нашу страну [СФРЮ] с целью создания дымовой завесы в отношении существующих у нас трудностей и проблем».

Тема угрозы интервенции со стороны СССР была открыто озвучена 4 июля 1971 г. И.Б. Тито на заседании ЦК СКЮ, проходившем в Загребе, о чем было сообщено в Вашингтон посольством США в СФРЮ.

Заявления о внешней угрозе, делавшиеся югославскими официальными лицами, публикации в прессе на фоне внутривнутриполитического кризиса в СФРЮ, а также информация, получаемая по дипломатическим и разведывательным каналам, давали основания западным политикам и военным делать выводы о возможном развитии советско-югославских отношений. Весной 1971 г. Белград обратился к Риму с предложением заключить договор о совместном планировании обороны, что было воспринято итальянской стороной как явный признак опасения руководства СФРЮ по поводу возможных действий Москвы. В августе 1971 г. уже глава воен-

ного ведомства Югославии и ее военный атташе в Риме обратились с предложением более тесного военно-технического сотрудничества и даже совместного использования баз ВВС двух стран на взаимной основе. В июле 1971 г. опасения по поводу действий СССР в отношении Югославии выказывали во время конфиденциальных переговоров и консультаций руководители Австрии и Италии. При этом исключалась прямая советская интервенция против СФРЮ, и рассматривался вариант, когда внутривнутриполитическая ситуация в Югославии ухудшится настолько, что Москва сможет вмешаться во внутривнутриюгославские дела. Более жестко в июле 1971 г. оценивали ситуацию аналитики ЦРУ США, которые не считали вероятной военную интервенцию со стороны СССР, т.к. сопротивление югославской стороны, ухудшение отношений Москвы и Вашингтона, а также обострение и без того сложных взаимоотношений СССР с КНР могли серьезно повлиять на международные позиции Кремля.

Однако советская сторона продолжала свой прежний курс в отношении Белграда, и в августе 1971 г. Брежнев вернулся в разговоре с Мишневичем к вопросу о необходимости оказания помощи «здоровым силам» в СКЮ, к числу которых он относил и самого Тито. Тем временем в югославской печати достаточно жесткой критике подвергались проводившиеся в Венгрии маневры Варшавского пакта, в связи с чем в редакционных статьях центральных изданий СФРЮ делались ссылки на предложения Румынии превратить Балканы в зону мира, свободную от ядерного оружия и иностранных баз, а также указывалось на важность Балканского региона для Европы и ее географической периферии — Средиземноморья и Ближнего Востока.

Складывавшаяся в советско-югославских отношениях ситуация привлекала особое внимание Вашингтона, обеспокоенного возможным изменением баланса сил на Балканах в интересах СССР, а использование «доктрины Брежнева» (ограниченного суверенитета) в отношении СФРЮ оставалось для руководства США не совсем ясным. В этой связи аналитики разведывательных организаций США отмечали, что, несмотря на явное военное преимущество перед Югославией, военная акция против нее со стороны СССР и его союзников не была бы столь

простой, как в случае с Чехословакией, которая была окружена с трех сторон государствами — членами ОВД. Наступление против СФРЮ могло осуществляться только по двум направлениям: из Венгрии в сторону Белграда и Загреба и из Болгарии в сторону Скопле (при том, что Румыния не участвует в данной операции). Более того, провести неожиданно такую операцию было бы невозможно из-за отсутствия достаточного советского воинского контингента на границе с Югославией, а вооруженные силы СФРЮ были готовы оказать серьезное сопротивление. Образ действий югославской стороны в случае агрессии Варшавского пакта прогнозировался американскими аналитиками в следующем виде: оказание сопротивления на границах страны на протяженном фронте; совместные действия ЮНА и ТО с целью сдержать наступающие силы ОВД и не допустить агрессора вглубь страны. Для взятия под контроль территории СФРЮ вооруженные силы ОВД должны были бы насчитывать, как полагали югославские военные специалисты (и о чем знали американские аналитики), не менее 2 млн чел. Затяжной характер боевых действий был бы крайне опасен для СССР, учитывая международную реакцию на интервенцию против СФРЮ, включая возможное столкновение с силами НАТО в регионе.

Позиции Югославии в складывавшейся ситуации вызвали серьезную озабоченность США. Несмотря на то что Вашингтон не ожидал прямой советской интервенции против СФРЮ, он предполагал вероятность усиления давления СССР на Югославию. Отсутствие особых американских военных интересов в отношении Югославии, тем не менее, не влияло на внешнеполитические задачи США на «югославском направлении», заключавшиеся в «укреплении независимости Югославии и [ее политики] неприсоединения», т.к. подпадание СФРЮ под влияние Москвы давало возможность СССР создать угрозу НАТО. Аналитики Совета национальной безопасности США отмечали важность геостратегического положения Югославии, находящейся между двумя блоками, и поэтому ее «неожиданное движение в сторону СССР могло создать угрозу политическому и стратегическому балансу в Европе».

В свою очередь, руководство соседней Албании, внимательно следившее за про-

исходящим в СФРЮ, стремилось не допустить ослабления политических отношений с Пекином — своим единственным стратегическим партнером. Пекин был исключительно заинтересован в укреплении отношений между Румынией, Югославией и Албанией как в политическом, так и военном отношении. В случае реализации этого проекта они могли стать своеобразным военно-политическим блоком, тесно связанным с КНР и выступающим в виде противовеса сразу в отношении двух пактов — Североатлантического и Варшавского. Реализация планов военной агрессии СССР против Югославии и Румынии, по мнению Ходжи, была затруднена возможными оборонительными действиями этих двух стран, однако давление на Тито и Чаушеску со стороны Кремля он признавал.

Во время визита Брежнева в Югославию 22–25 сентября 1971 г. на переговорах с Тито глава КПСС заявил, что СССР не собирался и не собирается предпринимать каких-либо военных мер против Югославии. На переговорах с президентом США Р. Никсоном Тито назвал спекуляциями всевозможные рассуждения о неких советских намерениях и угрозах в отношении Югославии, сославшись на личные беседы с Брежневым, который подтвердил ему приверженность принципам уважения независимости и суверенитета СФРЮ. Однако Тито подчеркнул особый статус Югославии, не входящей в Варшавский пакт. Внутриполитический кризис СФРЮ осенью 1971 г. продолжал развиваться и был способен оказать серьезное влияние как на оборонную политику страны, так и на военную доктрину, интерпретация которой в новых условиях могла привести к ее полному пересмотру.

В 1972 г. для большинства аналитиков и

политических наблюдателей было ясно, что кризис в СФРЮ, в конечном счете, закончится ее распадом, однако практически никто из государственных руководителей как великих, так и малых стран не предполагал, насколько реален данный сценарий. Так, в частности, несмотря на пессимистичный прогноз возможного развития ситуации в соседней Югославии, глава Албании Э. Ходжа отверг предложение финского правительства об участии его страны в планировавшемся общеевропейском совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. Глава АПТ продолжал избранный им курс на сохранение закрытости страны и превращение ее в военный лагерь. В свою очередь, активные попытки Тито с помощью вооруженных сил предотвратить дезинтеграцию страны и повысить политическую роль и статус Югославской народной армии привели к усилению раскола между ее высшим командованием и командованием Территориальной обороны, подчинявшимся республиканскому руководству. В Белграде, судя по всему, также не верили в возможность дезинтеграции, о чем свидетельствовали слова Тито, произнесенные им в полемическом тоне осенью 1972 г.: «...как только у нас возникают мелкие кризисы, конфликты и т.д., пророчат, что Югославия распадется»¹. С американской стороны, несмотря на сделанные аналитиками выводы о возможном распаде СФРЮ, продолжала проводиться политика «осторожной поддержки», а СССР продолжал рассматривать титовскую Югославию с определенной долей осторожности в идеологическом и внешнеполитическом отношении.

¹ Цит. по: Романенко С. Указ. соч., с. 367.